

·the big book·

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Книги
Артуро Переса-Реверте,
опубликованные Издательской Группой
«Азбука-Аттикус»

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАПИТАНА АЛАТРИСТЕ

Капитан Алатристе

Чистая кровь

Испанская ярость

Золото короля

Кавалер в желтом колете

Корсары Леванта

Мост Убийц

Кожа для барабана

Фламандская доска

Краткая история Испании

Учитель фехтования

Эль-Сид, или Рыцарь без короля

Тень гильотины, или Добрые люди

Осада, или Шахматы со смертью

Клуб Дюма, или Тень Ришелье

Королева Юга

На линии огня

Гусар

Тень орла

Мыс Трафальгар

День гнева

АРТУРО ПЕРЕС-РЕВЕРТЕ

ГУСАР

ТЕНЬ ОРЛА

МЫС ТРАФАЛЬГАР

ДЕНЬ ГНЕВА

Санкт-Петербург

ГУСАР

От автора

«Гусар» — мой первый роман. Я написал его в 1983 году, в перерыве между двумя военными репортажами; в то время я не планировал посвятить себя литературе и, можно сказать, по чистой случайности опубликовал в одном издательстве, с которым позже поссорился и почти двадцать лет не мог восстановить свои права на книгу. Ныне она снова выходит в свет — такая, какой хотел бы ее видеть автор, исправленная и очищенная от совершенно лиш-них прилагательных и наречий.

*Клоду, старому товарищу по войнам
в разных концах земли и дорогам, ведущим в никуда*

Но прежде — про равнину. Нужно сразу же сказать, что я никогда не мог правильно воспринимать ее, а всегда находил ее печальной — с нескончаемыми топями, с домами, где больше не живут люди, и дорогами, ведущими в никуда. Но если добавить ко всему еще и войну, то место, где мы находимся, становится невыносимым.

*Л.-Ф. Селин. Путешествие на край ночи
(Перевод с французского А. Юнко, Ю. Гладиллина)*

1

НОЧЬ

Сияние стали заворожило его. Фредерик Глюнтц не мог отвести глаз от лежавшего у него на коленях обнаженного клинка, который вспыхивал таинственным металлическим блеском всякий раз, когда вздрагивало пламя свечи. В последний раз проведя по острию точильным камнем, он убедился, что сабля стала безупречно острой.

— Замечательный клинок, — убежденно сказал Фредерик сам себе.

Мишель де Бурмон курил трубку, развалившись на походной кровати, и флегматично наблюдал за колечками дыма, уплывавшими к потолку. Услышав слова друга, он недовольно дернул пшеничный ус.

— Неподходящее оружие для благородного человека, — бросил Мишель, не меняя позы.

Фредерик Глюнтц повернулся к нему, вне себя от изумления:

— Почему же?

Де Бурмон прикрыл глаза. В голосе его звучало едва заметное раздражение, словно приходилось объяснять вполне очевидные вещи:

— Сабле чуждо настоящее искусство... Она слишком тяжела и безнадежно вульгарна.

Фредерик лукаво улыбнулся:

— Ты, конечно, предпочтешь огнестрельное оружие?

Де Бурмон замахал руками в притворном ужасе.

— Боже милостивый, конечно нет! — воскликнул он. — Убивать на расстоянии — не слишком достойное дело. Пистолет символизирует нравственный упадок нашей цивилизации. Что касается меня, то я предпочитаю рапиру; она более гибкая, более...

— Изыщная?

— Да. Вот самое подходящее слово: изящная. Сабля — орудие не воина, а мясника. Годится лишь на то, чтобы рубить головы.

И де Бурмон вновь занялся своей трубкой, напрочь потеряв интерес к разговору. Он слегка шепелявил — по моде, распространенной среди офицеров Четвертого гусарского полка. Времена гильотины миновали, и уцелевшие обломки старой аристократии поднимали головы без страха, что их отрубят, — в том случае, разумеется, если им хватало ума не оспаривать заслуг тех, кто преуспел благодаря новому порядку.

Ознаменовавшие начало нового столетия бурные перемены почти не коснулись Фредерика Глюнтца. Младший сын богатого страсбургского купца в пятнадцать лет покинул родной Эльзас и отправился в Париж, чтобы поступить в Военную школу. Юноша оставил ее стены три месяца назад, получив звание подпоручика и назначение в расквартированный в Испании Четвертый гусарский полк. Попасть в легкую кавалерию — предел мечтаний каждого молодого офицера — в ту пору было очень нелегко. И все же чудо произошло, не в последнюю очередь — благодаря отличным оценкам, толстой пачке рекомендательных писем и разгоравшейся за Пиренеями кровопролитной войне, из-за которой в армии то и дело открывались новые вакансии.

Фредерик отложил точильный камень и поправил упавшую на лоб прядь. Скоро его пышные светло-каштановые волосы достаточно отрастут, чтобы их можно было уложить в положенную по уставу косичку. О другом неотъемлемом признаке истинного гусара — пышных усах — пока приходилось только мечтать; на лице молодого Глюнтца рос лишь редкий белесый пушок, который юноша безжалостно сбрасывал, надеясь, что его сменит настоящая борода.

Сжав прохладный эфес, Фредерик наблюдал, как блики свечи играют на чистом лезвии.

— И все-таки сабля замечательная, — решил он.

Де Бурмон ничего не ответил. Речь шла о великолепном экземпляре холодного оружия, который часто ошибочно именуют «облегченной моделью для кавалерии 1811 года», — страшном орудии убийства длиной в тридцать семь дюймов — достаточно длинном, чтобы рубить противника, хоть конного, хоть пешего. Устав позволял гусарам выбирать оружие по вкусу. Де Бурмону,

к примеру, исправно служила выкованная в 1786 году тяжелая сабля, которая досталась ему от отца. Молодой подпоручик уже успел вдоволь напоить ее кровью на узких мадридских улочках, примыкавших к Паласио-Реаль.

Фредерик не мог оторвать взгляд от лежащей на коленях сабли; она была великолепна. «Орудие мясника», сказал Мишель. Возможно, так оно и было, но юный офицер ни разу не видел настоящей рубки, и на лезвии пока не появилось ни одной зазубрины. Фредерик мог бы назвать свою саблю девственной, если бы суровое лютеранское воспитание позволило ему употребить это слово по отношению к оружию. Лезвие не познало крови, как сам юноша не познал женщины. Но глубокой ночью, под беззвездным испанским небом мысли о женщинах казались неуместными и лишними. Куда важнее были пурпур крови, сабельный звон и топот конских копыт на поле боя. Такие картины рисовал гусарам их командир полковник Летак, самодовольный и грубоватый, но отважный бретонец:

— Вообразите, господа, эти, эхем, неумытые крестьяне собирают силы; одна атака, всего одна, и мы погоним их по всей Андалусии!

Фредерику нравился Летак. Это был крепкий, весь в шрамах солдат, настоящий человек 1802 года¹, сражавшийся с первым консулом в Италии и при Аустерлице, отличившийся при Йене, Эйлау и Фридланде... Полковник начинал простым капралом в брестском гарнизоне и прошел всю Европу вместе с непобедимой армией. Фредерик отлично помнил первую встречу с Летакком, когда он, новоиспеченный подпоручик, прибыл в распоряжение своего командира. Дело было в Аранхуэсе. Юный офицер в мундире цвета индиго и алом ментике, отчаянно робея, предстал перед командиром Четвертого гусарского полка. Летак принял его в большом старинном особняке, где полковник устроил свою резиденцию, в просторном кабинете с видом на серебристую дугу Тахо.

¹ В 1799 г. Наполеон Бонапарт совершил во Франции государственный переворот, свергнув правительство Директории и провозгласив себя консулом. В 1802 г. при поддержке верных офицеров, прошедших вместе с Наполеоном тяжелейшую Египетскую кампанию 1799–1801 гг., он добился для себя пожизненного консулата, а в 1804 г. стал императором Франции. — *Здесь и далее примеч. перев.*

— Как вы сказали?.. Гхм, так вот, подпоручик Глюнтц, эхем, что ж, дружище, теперь вы один из нас, сплоченные ряды, боевое товарищество и все такое прочее, здесь ведь у нас самые сливки, традиции, ну, вы понимаете... Первокласное сукно, доломан в Париже шили? Гхм, ну вот, друг мой, приступайте к своим обязанностям... Полк — ваша новая семья, не посрамите ее чести, прошу вас как отец... Да, и никаких дуэлей, знаете, косой взгляд, кровь кипит, и все прочее, однако надо все же хладнокровнее, правда, когда нет выбора, эхем, честь, честь превыше всего, мы ведь семья, все остается между товарищами, ну, словом, вы поняли.

Полковник Летак слыл умелым всадником и добрым солдатом, а что еще нужно гусару? Он управлял своим полком твердо, умело сочетая суровую дисциплину с отеческой заботой о подчиненных и не стесняясь проявлять разумную гибкость, без которой невозможно было сладить с кавалеристами — самыми отчаянными, храбрыми и буйными вояками во всем императорском войске. Непокорный нрав гусар делал жизнь их командиров невыносимой. Держать в узде этот бешеный народ было под силу лишь опытному боевому офицеру, каким был полковник Летак. В любом деле он старался быть твердым, разумным и справедливым, и — нужно отдать старому бойцу должное — обычно ему это удавалось. К врагам Летак был беспощаден; но за это настоящего гусара никто бы не осудил.

Остро отточенная сабля была готова к бою и жаждала крови. Полюбовавшись еще немного мерцанием лезвия, Фредерик бережно убрал ее в ножны и благоговейно погладил кончиком пальца украшавший эфес вензель N. Мишель де Бурмон, который все это время молча курил, удивленно поднял брови и усмехнулся. В этой усмешке не было и тени пренебрежения; Фредерик давно научился толковать многочисленные разновидности улыбок, которыми располагал его приятель, от смутной — и жутковатой — волчьей ухмылки, приоткрывавшей острые белоснежные зубы, до широкой, сердечной улыбки, которой Мишель неизменно встречал тех, кто ему действительно нравился. Фредерик Глюнтц был удостоен чести войти в тесный круг избранных.

— Завтра великий день, — проговорил Мишель де Бурмон, выпустив из трубки колечко дыма. — Представь: одна атака, всего

одна, и мы погоним эту шваль по всей... эхем... Андалусии. — Он передразнил Летака совершенно беззлобно и так мастерски, что теперь уже Фредерик не смог сдержать улыбку. Юноша горячо закивал, не выпуская из рук саблю.

— Что ж, — ответил он безмятежно, как настоящему гусару полагается говорить о предстоящем сражении, в котором ему, возможно, придется сложить голову, — на этот раз дела и вправду принимают серьезный оборот.

— Говорят, так оно и есть.

— Будем надеяться, что не врут.

Де Бурмон сидел на походной кровати. Его соломенные волосы были тщательно причесаны и уложены в предписанную уставом косичку. Из-под полурасстегнутого доломана виднелась белоснежная сорочка. Наряд Мишеля дополняли чикчиры, тоже цвета индиго, и черные сапоги со шпорами, сшитые из тонкой телячьей кожи. Подобная элегантность не слишком гармонировала с палаткой, разбитой посреди пыльной долины в окрестностях Кордовы.

— Ты ее хорошенько наточил? — спросил де Бурмон, указав черенком трубки на саблю Фредерика.

— Полагаю, что да.

Де Бурмон снова улыбнулся. Его ярко-синие глаза слегка щурились от дыма. Фредерик разглядывал профиль своего друга, выхваченный из тени огнями свечей. Черты и манеры Мишеля выдавали благородное происхождение. Его родитель, принадлежавший к одной из самых знатных семей старой Франции, предпочел стать гражданином Бурмоном, пока санкюлоты не вперили в него отнюдь не дружелюбные взоры. Поспешное обращение в республиканскую веру не помогло хитрому аристократу сохранить в неприкосновенности богатства и земли, но, по крайней мере, позволило ему избежать участи обезглавленных собратьев и спокойно пережить разразившуюся над Францией бурю, миновать трудное время и в добром здравии увидеть возвышение корсиканского выскочки. Само собой, старый аристократ именовал императора этим титулом лишь при наглухо закрытых дверях, наедине с мадам де Бурмон.

Мишель де Бурмон-младший был из тех, кто до 1789 года мог без особого риска причислить себя к «юношам из хороших се-

мей». С ранних лет угодив в гусары, он не стал подражать равным и заискивать перед высшими и не только не перенял царившей в армии чудовищной вульгарности, но и сумел привить всему полку особый благородный тон, став примером для других. Мишель был молод — в Испании он встретил свой двадцатый день рождения, — великодушен и храбр. Молодой человек и оглянуться не успел, как к его фамилии вернулась утраченная в годы революции, еще совсем недавно такая опасная приставка «де». Все знали, что через пару недель он станет поручиком.

Для Фредерика, молоденького подпоручика, как и положено в девятнадцать лет бредившего подвигами и славой, полковник Летак был примером для подражания — тем, кем он стремился стать, а Мишель де Бурмон — тем, кем он хотел бы родиться, воплощением недостижимого идеала. Ведь и сам Летак, за двадцать лет безупречной службы сумевший добиться всего, на что может рассчитывать отличный солдат, и со дня на день ожидавший генеральского звания, не обладал утонченностью аристократа, присущей тем, кто, по выражению самого полковника, «в нежном возрасте писался на старинные персидские ковры». Де Бурмон владел таким стилем в совершенстве и не придавал ему особого значения: гусарским офицерам, самым большим забиякам и бахвалам во всей французской армии, не полагалось придавать особого значения решительно ничему. Потому Фредерик Глюнтц, сын простого буржуа, искренно восхищался своим другом.

Как часто бывает в юности, дружба двух подпоручиков, назначенных в один полк, возникла сама по себе, без особых причин, из простой взаимной симпатии. В походе приятели охотно делили одну палатку; ничто не сближает людей сильнее тягот армейской жизни и честолюбивых грез юности. Друзья привыкли делиться сокровенными мыслями и говорили друг другу «ты» — небывалый среди привыкших обращаться на «вы» офицеров Четвертого гусарского знак расположения.

Дружба Фредерика Глюнтца и Мишеля де Бурмона окрепла благодаря событию поистине драматическому. Это случилось несколько недель назад, когда расквартированный в Кордове полк готовился выступить. Поздним вечером подпоручики отправились побродить по городу. Вечер выдался великолепный, городские улочки оказались весьма живописными, а местное вино

превосходным. Проходя мимо какого-то дома, оба одновременно увидели, как в окне мелькнул стройный девичий силуэт, и надолго застыли у резной решетки, надеясь, что красавица покажется снова. Встреченная по дороге компания французских офицеров, среди которых оказались и гусары Четвертого полка, приветствовала подпоручиков радостными возгласами. Веселая компания позвала друзей с собой, и они с удовольствием приняли приглашение.

Вечер продолжался в ближайшей таверне за шумным разговором и добрым вином, которое исправно подносил угрюмый трактирщик. Так незаметно миновали два часа, и тут поручик егерского полка по фамилии Фукен внезапно усомнился в лояльности старой аристократии, о чем и сообщил во всеуслышание, уперев локти в залитую вином столешницу.

— Готов поспорить, — заявил он, — что, будь у этих роялистов своя армия и повстречайся мы с ней в бою, кое-кто из сидящих за этим столом оказался бы не на нашей стороне. У этих в крови почтение к лилиям.

Обильные возлияния, предшествовавшие этому заявлению, не могли послужить поручику оправданием. Все присутствующие, включая Фредерика, посмотрели в сторону де Бурмона, и ему ничего не оставалось, как принять оскорбление на свой счет. Губы Мишеля сложились в знакомую волчью усмешку, однако холодный и тяжелый, словно глыба льда, взгляд ясно говорил о том, что он не находит в словах Фукена ничего смешного.

— Поручик Фукен, — прозвучал в настороженной тишине, воцарившейся за столом, ровный голос де Бурмона. — Вы, кажется, хотели оскорбить благородное сословие, к которому я имею честь принадлежать... Я вас правильно понял?

Фукен, черноглазый уроженец Лотарингии, удивительно похожий на Мюрата, беспокойно озирался по сторонам. Он понимал, что сморозил глупость, и чувствовал, что теперь все смотрят на него. Отступить было поздно.

— Каждый волен принимать на свой счет, что ему заблагорассудится, — ответил он наконец, заносчиво выпятив подбородок.

Офицеры переводили взгляды с одного на другого, ожидая неизбежной развязки. Противники исполняли обязательный в таких случаях ритуал, который полагалось непременно довести до

конца. Оставалось только наблюдать, стараясь не пропустить ни слова. Каждый прикидывал про себя, в каких выражениях станет рассказывать товарищам о недавнем происшествии.

Фредерик, прежде не видевший ничего подобного, наблюдал за происходящим со смесью тревоги и любопытства. Де Бурмон нарочито медлительно поставил стакан на стол. Ротмистр, самый старший в компании, пробормотал:

— Господа, будем же благоразумны, — тщетно пытаюсь охладить пыл соперников, но никто даже не посмотрел в его сторону. Ротмистр пожал плечами; его реплика тоже была частью ритуала.

Де Бурмон вытащил из-за обшлага рукава платок, тщательно вытер губы и неторопливо встал из-за стола.

— Такие разговоры лучше вести с саблей в руках, — сказал он с неизменной ледяной улыбкой. — И хотя вы старше меня по званию, смею надеяться, что из уважения к мундирам, которые носим мы оба, вы согласитесь дать мне сатисфакцию.

Фукен так и впился глазами в своего противника, но продолжал сидеть. Не дождавшись ответа, де Бурмон положил ладони на стол.

— Я отдаю себе отчет, — продолжал он все так же невозмутимо, — что правила не позволяют офицерам принимать вызов от младших по званию... Меньше всего мне хотелось бы их нарушить. Если вам угодно, давайте подождем, пока я не стану поручиком. Беда в том, поручик Фукен, что нас в любой момент могут бросить в самое пекло. Меня приводит в отчаяние мысль о том, что кто-то может убить вас раньше, чем я.

Последние слова не оставляли офицеру и человеку чести никакой иной возможности, кроме согласия драться.

Фукен поднялся на ноги.

— Когда вам будет угодно, — произнес он твердо.

— Прямо сейчас, если позволите.

Потрясенный Фредерик выдохнул распиравший легкие воздух и встал из-за стола вслед за остальными. Де Бурмон обратился к нему с непривычной серьезностью:

— Подпоручик Глюнтц, удостоите ли вы меня чести быть одним из моих секундантов?

Фредерик с трудом выдал утвердительный ответ, чувствуя, что жарко, мучительно краснеет. Вторым секундантом де Бурмон